

**К ПРОБЛЕМЕ ОТНОШЕНИЙ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И СОВЕТА
МИНИСТРОВ: ВОПРОС ОБ ОБРАЗОВАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА С УЧАСТИЕМ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ЛЕТОМ 1906 Г.**

Перекрестова С.В.

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Институт истории), e-mail: aboutwrists@mail.ru

В данной работе рассматривается история попытки создания правительства с участием общественных деятелей, предпринятой, с разрешения Николая II, Д.Ф. Треповым, А.П. Извольским и П.А. Столыпиным с целью урегулирования отношений правительства с I Государственной думой. Несмотря на скоротечность и безрезультатность переговоров, данный эпизод является неотъемлемой частью истории взаимоотношений правительства и народного представительства в России, показывая, что стремление к поиску общего языка с Государственной думой проявлялось правительством при работе уже первого созыва представительства при том, что заметные успехи на этом поприще были достигнуты, как известно, лишь при работе III Думы.

Ключевые слова: I Государственная дума, правительство общественных деятелей, переговоры.

**ON THE PROBLEM OF THE I STATE DUMA AND THE COUNCIL OF
MINISTERS RELATIONS: THE ISSUE OF FORMATION OF THE GOVERNMENT
WITH THE PARTICIPATION OF PUBLIC MEN IN SUMMER OF 1906**

Perekrestova S.V.

Saint Petersburg State University (199034, Saint Petersburg, Universitetskaya embankment, 7–9, Institute of History), e-mail: aboutwrists@mail.ru

This paper deals with history of making an attempt at calling public men to work in the government. D.F. Trepov, A.P. Isvolsky and P.A. Stolypin made this attempt in order to settle the government and the I State Duma relations. Despite the fact that this negotiations were shot and fruitless, this episode is the part of the government and the State Duma relations history. This episode shows that the government started to make efforts to come to terms with the Duma already at the time of the I Duma working though this efforts ended in success only when the III Duma started to work.

The Key Words: the I State Duma, the government of public men, negotiations.

В результате государственных преобразований 1905–1906 гг. была создана законодательная Государственная дума. Предполагалось, что данные преобразования должны были послужить умиротворению страны, сотрясаемой Первой российской революцией на фоне изнурительной русско-японской войны. Конечно, мгновенного окончания революции и планомерной совместной с правительством законодательной работы от Думы особо не ждали. Николай II видел в ней необходимое в сложившихся условиях, но обещавшее быть поначалу «неразумным» и «буйным» учреждение, надеясь, впрочем, на то, что Дума, пошумев, успокоится, «возьмется за ум» и начнет, наконец, помогать в управлении страной [1, с. 81–83]. Открывшаяся 27 апреля 1906 г. Государственная дума первого созыва своей декларативной оппозиционностью подтвердила самые мрачные ожидания императора.

С первого же заседания Думы началась, по выражению министра финансов В.Н. Коковцова, «осада правительства, штурм его и стремление смести все, что было создано за полгода» [5, с. 160]. Среди требований, выдвигаемых ею, были намеренно неприемлемые. Так, большинство ратовало за дарование амнистии политическим заключенным при том, что решение данных вопросов являлось прерогативой монарха, не говоря уже о том, что проведение этой меры было равносильно отказу от осуждения политического террора, сотрясавшего страну. В ответ на выступление с правительственной декларацией

председателя Совета министров И.Л. Горемыкина 13 мая 1906 г. последовало вынесение Думой вотума недоверия правительству при том, что представительство не обладало такими полномочиями, так что данный шаг не мог иметь юридических последствий [18, с. 226–228]. При обсуждении текста думского адреса прозвучало требование создания «правительства доверия» [19, с. 54]. В условиях конфронтации с Думой в Совете министров и Государственном совете утвердилась мысль о необходимости скорейшего роспуска представительства, нисколько не способствовавшего замирению страны. Император, однако, считал роспуск нижней палаты мерой крайней и нежелательной, а потому принял решение испробовать последнее средство для поиска точек соприкосновения с Думой, предложенное дворцовым комендантом Д.Ф. Треповым. Д.Ф. Трепов загорелся идеей проведения тайных переговоров с лидерами имевшей наибольшее число мест в Думе партии кадетов с целью формирования нового, кадетского состава Совета министров. Он полагал, что «ни коалиционное министерство, ни министерство, взятое вне Думы» не смогли бы помочь умиротворению России [18, с. 228]. В историографии нашла отражение и более скептическая точка зрения на мотивы царя и Д.Ф. Трепова. Предполагается, к примеру, что Николай II никогда не рассматривал возможность формирования «кадетского министерства» всерьез, считая переговоры лишь «разведкой». По еще одной версии, Д.Ф. Трепов был намерен сыграть роль провокатора, полагая, что в интересах успешного завершения переговоров с правительством кадеты должны были прекратить сотрудничество с левыми партиями, а на поприще правительственной работы дискредитировали бы себя проявлением бесконечными уступками революционным требованиям или направленными на замирение страны репрессиями. Более того, вся эта провокационная деятельность задумывалась Д.Ф. Треповым будто бы для установления собственной диктатуры [12, с. 250]. Другие исследователи и вовсе сводят всю затею к желанию царя узнать намерения своих министров и протянуть время для подготовки к роспуску Думы [7, с. 250; 9, с. 259]. Однако представляется сомнительным, что император и Д.Ф. Трепов не догадывались о том, что тайные переговоры так или иначе получили бы огласку, так что едва ли Государь бы пошел на столь рискованный шаг «совсем не всерьез». Что до нечистых помыслов Д.Ф. Трепова, то провокационность приписывалась дворцовому коменданту людьми, считавшими его ни на что не способным солдафоном и потому не верившими в искренность его намерений. Между тем, сам он говорил о том, что считал создание «правительства большинства» необходимой для спасения монархии мерой, полагая, что роспуск Думы должен был повлечь за собой всеобщее восстание [2, с. 77].

Для начала Д.Ф. Трепов обратился к одному из лидеров кадетов И.И. Петрункевичу, но тот уклонился от встречи, не желая вступать в сношения с правительством без

разрешения партии. Около 10 июня тот же ответ дал председатель Думы С.А. Муромцев [16, с. 37; 19, с. 72]. Другой, виднейший лидер кадетской партии П.Н. Милюков не собирался спрашивать разрешения партии, считая, что она бы ответила отказом, что привело бы к упущению возможности претворения в жизнь одного из требований партийной программы. На состоявшейся встрече Д.Ф. Трепов обсудил с П.Н. Милюковым условия его вхождения в правительство. Собственно, условием кадетского лидера был его отказ отступить от партийной программы. Возражения у Д.Ф. Трепова вызвали лишь два ее пункта: отчуждение частновладельческих земель и амнистия [Подробнее см.: 10, с. 377–379].

К середине июня Д.Ф. Трепов представил царю список возможных кандидатов на посты в «министерстве доверия». В председатели Совета министров дворцовый комендант предлагал С.А. Муромцева, в министры внутренних дел – И.И. Петрункевича или П.Н. Милюкова, его же предлагал в министры иностранных дел, и т. д. [Подробнее см.: 5, с. 174–176].

В это время П.Н. Милюков развернул бурную деятельность по обоснованию идеи жизненной необходимости для России кадетского правительства, отвергая на страницах кадетского печатного органа «Речь» вариант с коалиционным правительством и отмежевываясь от трудовиков [11, с. 490–493]. Иными словами, П.Н. Милюков предлагал компромисс: взамен на его отказ от тесных контактов с трудовиками царь бы создал кадетское правительство и полностью воплотил бы в жизнь программу партии. Однако данной «уступки» было недостаточно: в опубликованном 24 июня интервью Д.Ф. Трепов вновь подчеркнул неприемлемость требований проведения амнистии и экспроприации земель [9, с. 383–384]. П.Н. Милюков тут же поспешил сообщить, что партия кадетов, оказывается, все-таки не собиралась полностью отказаться от контактов с трудовиками [11, с. 495–499]. Переговоры зашли в тупик. Разуверившись в идее «кадетского министерства», Николай II приказал Д.Ф. Трепову прекратить переговоры с кадетами по этому вопросу [17, с. 339].

Несколько позже треповского обозначился второй центр переговоров. Идея коалиционного правительства была представлена монарху министром иностранных дел А.П. Извольским, его поддерживал министр народного просвещения П.М. Кауфман. Со стороны «общественников» инициатива принадлежала бывшему члену партии кадетов Н.Н. Львову. По просьбе А.П. Извольского он составил записку, в которой выразил мнение, что перемена состава правительства должна была выглядеть не капитуляцией властей, а проявлением свободной воли монарха, для чего было необходимо объединить в Совете министров опытных чиновников и популярных общественных деятелей [4, с. 116–119]. 25 июня А.П. Извольский представил эту записку царю и получил от него поручение войти в

контакт с подходящими общественными деятелями, а также привлечь к ведению переговоров министра внутренних дел П.А. Столыпина. Теперь дело было за Думой, а значит, снова за кадетами, и прежде всего за влиятельнейшим членом этой партии – П.Н. Милюковым [4, с. 123–124]. В основном с ним беседовал П.А. Столыпин, причем в этот раз было сразу объявлено, что переговоры ведутся по велению императора. При этом П.Н. Милюков, по-видимому, считал переговоры почти завершенными и пытался договориться с П.А. Столыпиным только о деталях. Себя П.Н. Милюков изображал жертвой заговора, призванной к министру, чтобы тот собрал еще больше сведений для доказательства необходимости немедленного роспуска Думы [10, с. 385]. Он сообщил П.А. Столыпину о своем несочувствии идее коалиционного правительства и своей готовности лично образовать кадетский кабинет, если бы это было ему предложено. Это при том, что о его премьерстве не было и речи [9, с. 263–265]. Более того, он объявил, что П.А. Столыпина в обновленном кабинете быть было не должно. П.А. Столыпин осведомился, понимал ли П.Н. Милюков, метивший на пост министра внутренних дел, что требовавшийся им пост был сопряжен с постом шефа жандармов. Ответом ему было заявление лидера «партии народной свободы» о его полной готовности способствовать замирению страны соответствующими мерами, «вплоть до гильотин на площадях». П.А. Столыпин, изначально не разделявший восторгов А.П. Извольского, после описанной беседы окончательно уверился в бесполезности переговоров. П.Н. Милюков же решил, что П.А. Столыпин обиделся на то, что П.Н. Милюков не нашел для него места в своем кабинете [9, с. 265–266].

По просьбе П.А. Столыпина товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский попытался начать переговоры с прочившимся на пост главы правительства С.А. Муромцевым. На этот раз он охотно пошел навстречу, но при этом обнаружилась его несамостоятельность, он даже менял тему разговора, как только в его кабинет входили посторонние. Между прочим, он выражал несогласие с некоторыми пунктами кадетской программы, в частности, с требованием отчуждения земель, при этом порицая правительство за нежелание идти на компромисс. Кроме того, он пояснял, что кадетские теоретики не смотрели на требования программы как на меры, требовавшие немедленного осуществления [1, с. 95–96]. В любом случае, «охотно идя навстречу», он непременно хотел, чтобы «встреча с правительством произошла как бы случайно» [8, с. 124]. Как видим, С.А. Муромцев отчаянно боялся скомпрометировать себя в глазах партии.

Отказ П.Н. Милюкова от предложения, его необоснованно широкие надежды и невнятная позиция С.А. Муромцева выбивали почву из-под идеи создания коалиционного кабинета как меры предотвращения роспуска Думы. В этих условиях П.А. Столыпин решил подойти к этому «проекту» с другой стороны: он предлагал создать коалиционное

правительство с тем, чтобы оно распустило неработоспособную Думу, созвало новую и начало все заново. Подходящей кандидатурой на пост председателя такого Совета министров он считал октябриста Д.Н. Шипова, известного по своей многолетней земской деятельности. 27 июня Д.Н. Шипов сообщил о своем отказе, имея в виду, что для немедленного роспуска Государственной думы, по его мнению, не было повода, и уж тем более не было оснований создавать либеральный кабинет для роспуска представительства. Тогда министр внутренних дел вернулся к первоначальному плану, с тем, однако, чтобы председателем стал Д.Н. Шипов. Последний обещал «прощупать почву» среди кадетов [20, с. 449–452]. В связи с этим к П.Н. Милюкову отправился октябрист П.А. Гейден и получил прежний ответ [9, с. 268–270]. Сам П.Н. Милюков, впрочем, счел нужным это опровергнуть, пояснив, что он, «конечно, этого не говорил», потому что считал, что беседа со П.А. Столыпиным «поставила крест» на вопросе о его участии. Что же он в таком случае ответил П.А. Гейдену, П.Н. Милюков не сообщил [10, с. 391]. Итак, после беседы с министром внутренних дел П.Н. Милюков решил, что все кончено, но вот к нему явился П.А. Гейден сообщить, что дело еще не было проиграно, и предложить участвовать в дальнейшем его развитии. Возникает вопрос, как же П.Н. Милюков отказался, мотивируя это все тем же впечатлением от беседы с П.А. Столыпиным, с опровержением которого явился П.А. Гейден? Кроме того, указанный выше довод содержится в воспоминаниях П.Н. Милюкова, а вот в его синхронной по времени июньским переговорам статье были приведены иные соображения: в «коалиционном министерстве» он усматривал лишь попытку уронившего себя в глазах кадетов непониманием безусловной необходимости уйти, узнав о «вотуме недоверия», неразумного правительства выбрать наименьшую из двух зол – собрать в одном кабинете случайный набор имен, чем-либо ему приглянувшихся [11, с. 490–492].

Д.Н. Шипов же попробовал снова подступиться к С.А. Муромцеву, прося его убедить кадетов не препятствовать созданию коалиционного правительства. С.А. Муромцев отказался от поручения, объяснив, что «Милюков уже чувствует себя премьером». Более того, думский председатель считал, что Думу больше не могло удовлетворить никакое новое правительство, будь оно хоть коалиционным, хоть кадетским. На аудиенции 28 июня уже Д.Н. Шипов предложил все переиграть. Его идеей было создание все-таки кадетского правительства, раз уж кадеты не собирались соглашаться на иной вариант, но под председательством С.А. Муромцева. Император в тот день не высказал своего отношения к этой затее. С.А. Муромцев же пришел в негодование, узнав о выдвижении себя Д.Н. Шиповым в кандидаты на пост председателя правительства. «Какое право имеешь ты... касаться вопроса, который должен быть решен самой политической партией?» (Как видим, кадеты уже чуть ли не считали назначение главы правительства своей прерогативой!)

Впрочем, вскоре С.А. Муромцев раскрыл истинную причину своего недовольства: ему не улыбалась мысль состоять в одном кабинете с Милюковым. Видимо, принципиально он все же согласился занять предлагаемый пост. До самого роспуска Думы он ждал вызова к императору [20, с. 452–462].

Между тем, большинство в правящих кругах окончательно утвердилось в мысли о неизбежности скорого роспуска Думы, которая после самочинного расследования обстоятельств Белостокского погрома принялась в весьма резких выражениях спорить с правительством по аграрному вопросу. 8 июля П.А. Столыпин был назначен председателем Совета министров с сохранением поста министра внутренних дел. По свидетельству В.Н. Коковцова, при назначении ему был задан вопрос: берется ли он распустить Думу, сохранив порядок в стране? П.А. Столыпин ответил утвердительно [3, с. 99]. Кадеты, Впрочем, считали вопрос о создании правительства общественных деятелей решенным. Слухи о переговорах с правительством дошли до кадетской фракции, и П.Н. Милюков был вынужден на экстренном собрании фракции 3 июля в общих чертах описать условия, с которыми пришлось бы согласовать партийную программу «в случае серьезного обращения» к партии. «Левые» кадеты посчитали соглашение с правительством опасной авантюрой, из этого П.Н. Милюков вывел, что заговаривать о коалиционном правительстве даже не стоило [10, с. 396]. При этом «Речь» обвиняла правительство в мелочности и призывала забыть «мелкие разногласия» и объединиться «на такой программе, которая позволит работать вместе всем» [15]. Под этой программой, видимо, понималась программа партии кадетов, уступок по которой они, как мы видели, делать были не намерены. Таким образом, требуя от уступок от правительства, они сами не намерены были прикладывать какие-либо усилия к выработке действительно компромиссной программы, так что возникает вопрос, кого все-таки нужно было обвинять в неуступчивости и мелочности.

9 июля 1906 г. I Дума была распущена. Переговоры, однако, продолжались. На 10 июля была назначена аудиенция С.А. Муромцеву уже как частному лицу, но его участие в создании Выборгского воззвания сделало невозможным его привлечение к участию в работе Совета министров. П.А. Столыпин, желая подчеркнуть реформистское направление своего кабинета, продолжал беседы с Н.Н. Львовым, П.А. Гейденом и М.А. Стаховичем. Кроме того, П.А. Столыпин все еще хотел привлечь в Совет министров Д.Н. Шипова, а также лидера октябристов А.И. Гучкова. Последний, в свою очередь, рекомендовал обратиться к юристу А. Ф. Кони и историку П. Г. Виноградову. Но и эта часть переговоров была прервана по той же причине, что и предыдущая: та часть общественных деятелей, которая в конце концов согласилась с предложением, выставила неременное условие – опубликование программы, весьма близкой к кадетской, и строгое следование ей. Иными словами,

переговоры снова уперлись в требование создания партийного правительства, неоднократно отвергавшегося Николаем II. [Подробнее см.: 20, с. 464–481; 6, с. 360–373; 13, с. 102–103; 14, с. 192–193.]

Переговоры о создании правительства общественных деятелей летом 1906 г. не увенчались успехом. По мнению приглашавшихся в него либералов, царь был неискренен и начал переговоры лишь из желания показать общественности, что он сделал все, что смог, и в роспуске оппозиционной Думы виновата сама оппозиция. По мнению Николая II и правительственных участников переговоров, это либералы хотели слишком многого: стать частью правительства и одновременно сохранить свою популярность у либеральной общественности, проведя через Совет министров все декларативные требования своих программ. У обеих «сторон» переговоров сложилось впечатление, что собеседники просто не слышат их. Император не собирался капитулировать перед Думой, та же считала, что иначе и обсуждать какое-либо соглашение с царем не стоило. Диалог не состоялся, надежды Николая II на то, что Дума «остепенится», также не оправдались (во всяком случае, в отношении ее первого созыва.) Представляется, что виной безуспешности переговоров была неуступчивость обеих «сторон». С другой стороны, наибольшую неуступчивость, если можно так выразиться, проявили общественные деятели. Государь, позволяя сановникам попробовать привлечь к работе общественных деятелей, не питал к ним особой приязни и доверия, как и твердой веры в то, что составленное из них правительство смогло бы эффективно работать, тем более в условиях революционного и военного времени. Так почему же он не должен был этого делать? Ни деятельность Думы, ни поведение потенциальных министров не давали ему оснований проникнуться к ним доверием и симпатией. Им и П.А. Столыпиным неоднократно отвергалась идея о безоговорочном претворении в жизнь кадетской программы. Так почему же они должны были на это соглашаться? Разве они были членами кадетской партии? Нет. В конце концов, единственным условием правительственной «стороны» была выработка компромиссной, а не сугубо партийной программы. Приглашавшиеся к переговорам общественные деятели не сочли его выполнимым. Сложившееся в июле 1906 г. правительство П.А. Столыпина осталось полностью «бюрократическим» и продолжило следовать курсу на умиротворение страны, сочетая умеренные либеральные реформы с подавлением волнений.

Список использованных источников и литературы

1. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. – СПб., 2009.
2. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. – Париж, 1985.

3. Допрос гр. В.Н. Коковцова, 25 августа // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: Т. 1–7. Т. VII. – М.; Л., 1927. С. 88–116.
4. Извольский А.П. Воспоминания. 2-е изд. – М., 1989.
5. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х книгах. Кн. 1. – М., 1992.
6. Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. Воспоминания о деле Вере Засулич. – М. 1966.
7. Королева Н.Г. Первая Российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. – М., 1982.
8. Крыжановский С.Е. Записки русского консерватора // Вопросы истории. – 1997. № 3. С. 121–140.
9. Маклаков В.А. Первая Государственная дума: воспоминания современника, 27 апреля – 8 июля 1906 года. – М., 2006.
10. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В 2-х томах. Т. I. – Нью-Йорк, 1955.
11. Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. – СПб., 1907.
12. Ольденбург С.С. Николай II. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. – М., 2010.
13. Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. 1924, Т. 5. С. 102–108.
14. Переписка Николая II и Марии Федоровны // Красный архив. 1927, № 3(22). С. 153–209.
15. Речь. 1906. 7 июля.
16. Рутыч Н.Н. В поисках «правительства доверия» // Думская монархия. Статьи разных лет. – СПб., 1993. С. 33–48.
17. Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. – М., 1962.
18. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906-1907 гг.: Историко-правовой очерк. – М., 1998.
19. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). – Л., 1977.
20. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 2007.